
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

* * *

О, город грозно-одичалый,
Чуть оттеняющий орду,
Волк забегал в твои кварталы
И в восемнадцатом году!

Давно в твоей полярной лире
Смешались отзвуки земли,
Слова Европы и Сибири
В разноголосицу вошли.

Но, издыхая в дни блокады,
Ты вышел в путь по корке льда,
И ленинградцам были рады
Неведомые города.

Твоих детей усыновили
Кочевья или кишлаки,
Под вихрем азиатской пыли
Твои выросли ученики.

И самый дальний полустанок
Твоим преданием живет...
Но вечен погребальных санок
По Невскому неспешный ход.

И эти жесткие полозья,
И крепостного шпиля ось,
Все на сыром твоём морозе
Сроднилось, слиплось и сплелось.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Ранние годы провел в Средней Азии. Живет в Москве. Автор 29 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

* * *

Твой образ ледяной и отзвук твой хрустальный
Летят над темнотою убогих деревень,
Где в стылой тишине, похмельной и печальной,
Так душиен зимний сон, и просыпаться лень.

Но вспыхнуло окно, и хлопнула калитка,
Собака твякнула, заблеяла овца,
Избавлено ведро от ледяного слитка,
Освобожден багор, сметают снег с крыльца.

И вот уж побежал в студеное поле лыжник,
И видит в этот миг, как небосклон зажгли,
Как перья уронив в урочищах неближних,
Жар-птица понеслась и брызжут хрустали.

ПОТОМСТВО ТИМУРА

Безумный Мираншах и приторный Шахрух,
Который засыпал на коврике молельном,
Но велико в веках потомство этих двух,
И шейх Омар живет в наследье нераздельном.

С кинжалом на слонов летел Халиль-султан
И трон поколебал, влюбившись в дочь устода.
Вгляделся Улугбек в небесный океан
И прелести Земли презрел для небосвода.

И отдавал Хуссейн поэтам сердца жар,
Бабур и сам слагал печальные газели,
Религии мирил и сочетал Акбар,
Чтоб все цветы цвели в его державном Дели.

И это Джахан-шах, что, сыном заточен,
Все взгляда оторвать не мог от Тадж-Махала,
Уж больше не жалел на свете ни о чем,
И скорбная душа в сиянье отдыхала.

От малабарских волн до Царского Села —
Повсюду разбрелись потомки Тамерлана,
И женщина одна всех царственной была...
Надев нательный крест, ей дали имя Анна.

СЫКТЫВКАРКА

Лесоповал в таежной Коми,
Рулады воющей пилы.

В тяжелом скрежете и громе
Все время рушатся стволы.

Они могучи и корявы,
И содрогается земля.
Отходят к фабрикам составы,
Всё прибывают штабеля.

И снова лес, полярной сагой
Гудевший у студеньих рек,
Проварят, сделают бумагой.
Но как ее недолог век!

И с блеклой, рыхлой после варки,
Легко желтеющей от слез
Бумаги этой, сыктывкарки,
Давно осыпался донос.

СТАРАЯ ЛЮБОВЬ

Отступили боль и злоба,
Из густых потемок вновь,
Августейшая особа,
Вышла старая любовь.

— Здравствуй, юности царица!
Нежность зыбкого лица,
Расцветая, золотится.
Этой власти нет конца.

Вихри снова пролетели
С опадающей листвой,
Выступает из метели
Неизменный облик твой.

И взаимности не надо,
На тебя я лишь взгляну.
Потерпи, моя отрада,
Поживи еще в плену!

* * *

Есть недосказанность меж нами.
Зияющая глубина,
Мерцающая под волнами,
Коль не захочешь, не видна.

Для надвигающейся ссоры
Найдутся поводы всегда,
Но прекращаются укоры,
И вновь смыкается вода.

Так изменились наши лица,
Так тяжело нам наедине,
Но то, о чем не говорится,
Так нежно светится на дне.

* * *

Как рыбой пахло Приаралье!
И к поездам ее несли,
И трепетало зазеркалье,
И удалялись корабли.

— Простимся же, сазан и жерех,
Большая сохлась чешуя,
Все море синее — в поверьях,
Все под песком, что видел я!

Так и душа в песках томится,
Страстями опустошена,
И лишь любви горит крупица,
Незаржавевшая блесна.